

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 94(47)“17/18”+392.51+316.343.32-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2022.4.093–110

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ У РОССИЙСКИХ ДВОРЯН В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.: РИТУАЛЫ И ПРАКТИКИ

А.В. Белова

ФГБОУ «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена свадебной обрядности у российских дворян как традиционного сообщества в XVIII – середине XIX в. На основе исследования неопубликованных архивных документов из личных фондов дворянских родов и опубликованных автодокументальных свидетельств реконструируются основные элементы свадебного обряда, включая длительную процедуру, предшествовавшую непосредственному заключению брака во время церковного таинства венчания. В статье анализируются культурно-антропологический характер и функциональное предназначение социального ритуала, выясняется сопряженность коллективных практик и индивидуальных предпочтений. Особое внимание уделяется проблемам дворянского этоса и воспроизводству этических норм, зафиксированных в эго-документах, гендерным аспектам обрядовых действий. В заключении делается вывод о том, что свадебные ритуалы относятся к сфере мужских престижных взаимодействий и практикам экспрессивного порядка, в которых женская роль сводится к инструментальному посредничеству в скреплении межродовых связей.

***Ключевые слова:** историческая этнология, свадебная обрядность, традиционно-бытовые компоненты дворянской культуры, свадьба, венчание, брак, замужество дворянки, российские дворяне.*

Научная актуальность этнографического изучения свадебной обрядности российского дворянского сообщества обоснована не только с точки зрения исторической этнографии, в частности, этнографии быта разных сословий, и истории повседневности, но и в контексте общей тенденции в развитии антропологического знания, начиная с последней трети XX в., к расширению предмета исследования: от «незападных, дописьменных куль-

тур» к «культурам всех типов, включая постиндустриальное общество»¹ Запада. Систематическое изучение традиционно-бытовых компонентов дворянской культуры, то есть обычаев, традиций, верований, искусств, обрядов, праздников; родильной, крестильной, свадебной и погребальной обрядности; гендерной дифференциации жизненных циклов женщин и мужчин имеет особое значение для анализа проблемы сохранения традиционного русского быта, укорененность в котором (несмотря на внешнюю европеизированность и наряду с ней) составляла важную этнокультурную характеристику дворянской общности. Изучение свадебной обрядности позволит понять важные аспекты функционирования дворянской культуры на основе сохранения обычаев, традиций и родовых связей.

В российской историографии 1990-х гг. применительно к периоду XVIII – начала XIX в. изучению подлежали правовые аспекты заключения дворянского брака², особенности «дворянской свадьбы» как «сложного ритуального действия»³, условия замужества дворянки и «ход свадебной церемонии»⁴. По мнению Н.Л. Пушкаревой, «православные постулаты оказали... исключительное влияние на отношение к семье и браку как моральной ценности»⁵. Несмотря на справедливость высказанного ею же суждения о том, что «в XVIII в., а тем более в начале XIX, венчание стало не просто органичной, но центральной частью свадьбы»⁶, исторические источники, относящиеся большей частью к первой половине XIX в., свидетельствуют о наличии как в столичной, так и в провинциальной дворянской среде довольно длительной и значимой в социокультурном смысле процедуры, предшествовавшей непосредственному совершению церковного таинства венчания. Цель данной статьи – выявить роль свадебных ритуалов в контексте процедуры вступления в брак у российских дворян как у традиционного сообщества в XVIII – середине XIX в.

В среде родовитого российского дворянства имелись вполне определенные представления о том, какими качествами должны были обладать потенциальный брачный партнер и партнерша. Требования, предъявлявшиеся в этой связи к будущему мужу или к жене, были обусловлены нормами действовавших в дворянском сообществе обычаев (так называемым дворянским этосом) и потому не подлежали юридической регламентации. Характер матримониальной практики родовитого дворянства определялся тенденцией к соблюдению своеобразной

---

¹ Мостова Л.А. Парадигмы антропологической теории на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. или парадоксы научной динамики // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов: Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М., 2001. С. 23–24.

² Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991.

³ Лотман Ю.М. Сватовство. Брак. Развод // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 113.

⁴ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997. С. 168.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Пушкарева Н.Л. Указ. соч. С. 169 (курсив автора).

эндогамии посредством предотвращения мезальянсов. От результатов оценки в каждом конкретном случае претендента или претендентки на роль мужа или жены зависело нормативное воспроизводство дворянской сословной культуры в целом и сохранение родовой организации как ее основного структурного элемента.

Мотивы вступления в брак в разных слоях дворянства в исследуемый период варьировали от материальных соображений до взаимной склонности. Для мужчин матримониальный выбор определялся в большей степени социально значимыми критериями, нежели эмоциональными предпочтениями: в XVIII в. знатность происхождения невесты могла «перевесить» ее богатство, красоту и личные симпатии к ней⁷, соотношение же между внешней привлекательностью и состоятельностью избранницы склонялось в пользу последней⁸. Зачастую женитьба воспринималась дворянином как разновидность экономической сделки⁹. Мемуаристки употребляли в таких случаях выражение «брак по расчету»¹⁰, наделяя его негативной коннотацией. В понимании же некоторых мужчин, напротив, «партии, без расчета оживившиеся», представлялись неприемлемыми. Для дворянки более важна была эмоциональная привязанность, однако далеко не каждая могла позволить себе, подобно императрице, обратиться на поиски таковой при неудачном браке¹¹. Возможно, такие критерии оценки брачного партнера, как его имущественное положение и нравственные качества, отражали бытовой аспект православного представления о браке. В идеале повседневное семейное благополучие как залог счастливого брака не мыслилось российскими дворянами, в особенности провинциальными, не только без взаимной любви и уважения супругов друг к другу, но и без определенного материального достатка, гарантировавшего им стабильный размеренный уклад жизни. Однако подобные идеальные конструкции совершенно не исключали разнузданного поведения мужей по отношению к женам, отсутствия с их стороны как любви, так и уважения в каждодневном совместном существовании.

Тем не менее важность замужества в жизни дворянской девушки подчеркивается наличием длительной процедуры, предшествовавшей непосредственному заключению брака во время церковного таинства венчания и имевшей несколько значимых с этнологической точки зрения аспектов. Данную процедуру следует считать одним из наиболее ярких про-

---

⁷ Аксаков С.Т. Семейная хроника // Аксаков С.Т. Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука / Предисл. и примеч. С. Машинского. М., 1982. С. 28.

⁸ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1987. С. 339.

⁹ Загряжский М.П. Записки (1770–1811) // Лица. Биографический альманах. Т. 2 / Ред.-сост. А.А. Ильин-Томич; коммент. В.М. Боковой. М.; СПб., 1993. С. 138.

¹⁰ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве... С. 339.

¹¹ Письмо императрицы Екатерины II к князю Потемкину. Б/д // Любовь в письмах великих влюбленных: Сб. / Сост. Д. Сажневой. Ростов-н/Д, 2000. С. 76.

явлений действительности российского дворянского этоса, составлявшего основу системного упорядочения межродовых отношений. Заключение брака являлось не личным делом мужчины и женщины, а делом двух родов, к которым они принадлежали по своему происхождению. До свадьбы родителям и другим ближайшим родственникам следовало ограждать молодых людей от эксцессов, способных негативно повлиять на их дальнейшую судьбу. Особенно сильно нарушение предварительных брачных договоренностей могло сказаться на репутации и последующей жизни дворянской девушки.

Свадебные ритуалы способствовали достижению своего рода социального соглашения между родителями жениха и невесты как представителями определенных дворянских родов. Роль в этой процедуре девушки, для которой замужество означало формальный переход из рода отца в род мужа, представляется весьма условной. Несмотря на то, что ее активное участие в достижении брачных договоренностей сводилось к минимуму, соблюдение противоположной стороной обязательств по отношению к ней являлось своеобразным критерием нормативности заключения брака. В случае, если поведение дворянина вело к нарушению предварительного брачного соглашения, оно считалось не соответствующим нормам дворянского поведения вообще, а нарушитель – «не заслуживающим уже ни какого благородного с ним сношения»¹².

Российское дворянское сообщество вполне подтверждает действительность этнологической концепции «обмена женщинами» Гейл Рубин. В обменных брачных отношениях, увенчивающихся созданием социальной организации, женщина выступает как «канал родственной связи»¹³. По выражению Г. Рубин, «женщины не имеют возможности осознать выгоду от своего собственного обращения»¹⁴. В подтверждение она цитирует создателя французской школы этнологического структурализма Клода Леви-Стросса (*Claude Lévi-Strauss*), специально изучавшего системы родства на широком этнографическом материале и пришедшего к следующему заключению: «Отношение обмена, создающее брак, устанавливается не между женщиной и женщиной, а между двумя группами мужчин, при этом женщины фигурируют лишь в качестве одного из предметов обмена, а не в качестве партнеров... Это справедливо даже тогда, когда принимаются во внимание чувства девушки, что, более того, обычно и происходит. Уступая предлагаемому союзу, она идет на обмен и создает его, но не может изменить его природу»¹⁵.

Воспроизводству межродовых матримониальных практик

¹² Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 6 (здесь и далее орфография источника сохранена).

¹³ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Сб. пер. / Сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Мн., 2000. С. 104.

¹⁴ Рубин Г. Указ. соч. С. 105.

¹⁵ Lévi-Strauss C. *The Elementary Structures of Kinship*. Boston, 1969. P. 115.

способствовали действовавшие в дворянской среде, как и в крестьянской, *брачные посредницы-профессионалы*¹⁶. В роли свах могли выступать замужние дворянки, причем некогда удачно просватанная женщина считала своим долгом выступить в аналогичном качестве по отношению к кому-то из детей своей бывшей свахи¹⁷. Если в крестьянской среде функции свах и акушеров часто выполняли одни и те же женщины, то в дворянской они были разделены.

Светские ритуалы, составлявшие процедуру, предшествовавшую вступлению дворянской девушки в брак, дополнялись, особенно в провинциальном дворянском сообществе, обрядовыми действиями, имевшими выраженную религиозную коннотацию. Выход замуж мыслился как социальная граница между этапами жизненного цикла и обретение статуса общественной «полноценности», описывался как исполнение провиденциального сценария в терминах «решения участи»¹⁸. Замужество означало для дворянок принципиально иную повседневность, трактовалось как «новый образ жизни» и «исполнение долга»¹⁹.

От дворянской девушки требовалось согласиться (или смириться) с принятым за нее родителями решением о выходе замуж, что вызывало сложную «гамму чувств» и сопровождалось перепадами ее настроения²⁰. Непросвещенные в вопросах сексуальной жизни, мало представлявшие, что ждет их после замужества, не успевшие осознать собственные потребности и внутренние стремления, испытывавшие «мизонеизм» (термин К.Г. Юнга как «страх перед новым и неизвестным»²¹) дворянские невесты терзали себя, помимо прочего, и вменяемым христианским пониманием собственной ответственности перед Богом. Внутренние терзания девушек могли усугубляться откровенным неприятием претендента на роль жениха, который, по словам одной из них, был ей «так противен», что она «не могла говорить с ним»²².

Православное мировосприятие дворянских девушек делало необходимым *родительское благословение брака*. Даже немолодые женихи усматривали в благословении предков особый смысл и потому спрашивали его «не как пустой формальности», а как необходимости «для благополучия»²³. Мистическое значение родительского благословения выражалось в том, что воля матери для взрослого сына, по его словам, «есть... закон», а без материнского «не будет... и благословения Божияго...»²⁴.

¹⁶ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве... С. 371.

¹⁷ Загряжский М.П. Записки... С. 138–139.

¹⁸ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 21, 33.

¹⁹ Там же. Д. 39. Л. 15.

²⁰ Там же. Д. 45. Л. 92 об.

²¹ Юнг К.Г. Подход к бессознательному / Пер. В.В. Зеленского // Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 28.

²² Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве... С. 370.

²³ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1977. Т. 9: Письма 1815–1830 годов / Примеч. И. Семенко. С. 302 (оригинал по-фр.).

²⁴ ГАТО. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

Родители благословляли дочерей на вступление в брак святыми иконами, обширные перечни которых обычно включались в тексты приданных росписей²⁵. Подобные перечни дают представление о наиболее почитаемых среди провинциальных дворян православных иконах – различных образах Богоматери, святых покровителей брака и семьи и местночтимых святых.

Перед иконой, которой мать благословляла дочь на вступление в брак и которая сопровождала ее после отъезда из дома, служили молебны²⁶. Вера в благодать, исходившую от такой иконы, была особенно велика. Благословение матери невесты имело большое значение в равной степени как для нее самой, так и для ее жениха²⁷. Дворянской девушке важно было получить также и *благословение родственников*, например дяди, родного брата матери²⁸. Дядя по матери как старший мужчина в роду благословлял всех племянниц, а икону для этого просил «выслать по почте» из Москвы²⁹. В разных дворянских семьях, происходивших по женской линии из одного рода, могла сложиться определенная *традиция благословения невесты дядей по материнской линии*.

В письмах к родным дворянка должна была представить им своего избранника – жениха или уже мужа – и попросить их о родственном отношении к нему³⁰. В свою очередь, он сам посредством особых *рекомендательных писем* обращался к ним с просьбой принять его в круг родственников³¹, «иметь честь рекомендовать себя», «не оставить родственным расположением»³². Важную роль в представлении жениха родным невесты играла ее мать, которая могла приехать и лично его «рекомендовать»³³. После заключения брака дворянин подписывал письма к родственникам жены в соответствии со степенью родства его жены по отношению к каждому из них, например, называя себя «племянником» при обращении к «Тетинькам»³⁴.

Для дворянской девушки замужество должно было означать изменение качества взаимоотношений между ней и родственниками мужа. Мать жениха выражала ожидание от будущей невестки, что со временем та станет «видеть» в ней «мать а не свекровь...»³⁵. В ее представлении такие взаимоотношения наиболее полно соответствовали нормам повседневного христианского «общезития» и родственного общения и вместе с тем выражали социальную адаптацию к новой семье.

²⁵ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1586. Л. 1 об., 2; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 44. Л. 6; Д. 53. Л. 1.

²⁶ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 89 об.

²⁷ Там же. Л. 32 об.

²⁸ Там же. Д. 27. Л. 1 об.–2; Д. 45. Л. 87.

²⁹ Там же. Д. 45. Л. 14.

³⁰ Там же. Л. 21, 60–60 об., 86.

³¹ Там же. Д. 45. Л. 22.

³² Там же. Д. 39. Л. 4.

³³ Там же. Л. 35, 36 об., 61 об.

³⁴ Там же. Л. 22–22 об.

³⁵ Там же. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 147.

Все основные события, связанные с замужеством дворянской девушки, соотносились с церковным календарем и приурочивались к значимым религиозным праздникам. Благословение матери могло быть получено в день Вознесения Господня³⁶, а в день Святой Троицы между матерью невесты и женихом мог состояться сговор³⁷. Особую торжественность брачному сговору придавало совпадение двенадцатого праздника, к которому его приурочивали, с престольным праздником посещаемого дворянами храма³⁸.

Именно брак по сговору³⁹ считался на протяжении всего исследуемого периода нормативной формой заключения брака⁴⁰. Сговор служил индикатором социального и имущественного положения вступающих в матримониальный союз. Если у дворянской элиты в XVIII в. принято было приглашать «знатное собрание» вплоть до «Императорской фамилии»⁴¹, то в провинциальной среде сговор обычно происходил в присутствии только «собрания ближних родных»⁴², соответственно, в обручении или благословении принимали участие, в одном случае, церковные иерархи («один архиерей и два архимандрита»⁴³), в другом – приходской священник («поп»⁴⁴). По времени суток сговор проводился, как правило, «к вечеру»⁴⁵. В семье провинциальной «аристократки»⁴⁶, некогда представленной к императорскому двору, считали необходимым устроить «парадный сговор» с приглашением множества гостей и торжественным вручением жениху «руки дочери»⁴⁷. Вне зависимости от социального слоя сговор обретал черты взаимообразного обмена дарами и услугами⁴⁸. Одаривание невесты состоятельными родственниками жениха⁴⁹ влекло за собой ответное отдаривание жениха кем-то из родственников-мужчин

³⁶ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

³⁷ Там же. Л. 15 об.

³⁸ Там же. Л. 16.

³⁹ Долгорукая Н. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы) / Под ред. Е. Анисимова. Л., 1991. С. 259; Болотов А.Т. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / Ред.-сост. М.И. Вострышев; коммент. А.В. Храбровицкого. М., 1989. Ч. I. 1796 г. генваря 27-го. Гл. 86. Сговоры как производились дворянские. С. 29–30.

⁴⁰ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 61 об.

⁴¹ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 259.

⁴² Болотов А.Т. Указ. соч. С. 29.

⁴³ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 259.

⁴⁴ Болотов А.Т. Указ. соч. С. 29.

⁴⁵ Там же; Долгорукая Н. Указ. соч. С. 260.

⁴⁶ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве... С. 344.

⁴⁷ Там же. С. 345.

⁴⁸ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 259–260; Болотов А.Т. Указ. соч. С. 29.

⁴⁹ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 259–260.

невесты⁵⁰. К числу «сговорных церемоний или веселий»⁵¹ относились «подчивание» с шампанским, чаем и «конфетами», бал, «буде есть музыка», продолжавшийся «до полночи», и «этикетный и торжественный ужин и питье за оным», которым «сей день кончится»⁵². Одним из вопросов, подлежавших обсуждению в ходе сговора, был вопрос о характере и размерах приданого.

В ряде случаев сговор подразумевал не только благословение⁵³, но и обручение⁵⁴, инициатива которого могла исходить от жениха «приехавшего с кольцами», но совершение могло быть отложено по причине отсутствия кого-то из родственников, например, родного дяди невесты со стороны матери⁵⁵. Обручение также могло совпасть с днем празднования местнотимого святого. Предполагалось, что оно состоится в присутствии родственников, которые должны были собраться вместе по случаю этого праздника⁵⁶. Согласно желанию матери, дядя приглашался благословить племянницу и обручить ее с женихом⁵⁷. Свадьба же могла состояться и через два месяца после обручения⁵⁸. Вероятно, это было связано с тем, что со дня обручения до дня свадьбы («свадебной церемонии»⁵⁹) должно было пройти какое-то время⁶⁰. Свадьба включала в себя «проводы» невесты родными, ее «прощание» с ними, «выезд из отцовского дому» «в дом свекров», церковное венчание⁶¹.

В письме Л.Л. Мельницкой к сестре В.Л. Манзей от 15 мая 1836 г. упоминается о существовании *помолвки*, которая, как можно предположить из контекста, означала в целом процедуру достижения брачных договоренностей и всю совокупность досвадебных мероприятий⁶². Однако в XVIII в. помолвка была отдельным самостоятельным актом в цепи «сговорных церемоний», смысл которого сводился к предварительной договоренности о сговоре. А.Т. Болотов в дневнике за 1796 г. пояснил «обряд наших помолвок»: «Жених приезжает с родным кем-нибудь; сидя говорят; родственник его отводит отца, переговаривает с ним, требует решения и, получив слово, рекомендует жениха всему семейству, и они ужинают и условливаются о сговоре и назначают день. Ничего более в сей

⁵⁰ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 260.

⁵¹ Там же.

⁵² Болотов А.Т. Указ. соч. С. 30.

⁵³ Там же. С. 29.

⁵⁴ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 259.

⁵⁵ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 47.

⁵⁶ Там же. Л. 35.

⁵⁷ Там же. Л. 40.

⁵⁸ Там же. Л. 22.

⁵⁹ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 266.

⁶⁰ См.: Там же. С. 259–266.

⁶¹ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 265–266; Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. 1. С. 436.

⁶² ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.

день не происходит. Обыкновенная компания»⁶³. Теоретическое обобщение тульского «просветителя» подтверждается частным примером из мемуаров княгини Е.Р. Дашковой, вспоминавшей о том, как будущий муж, заручившись ее согласием, поручил посреднику-мужчине просить ее руки у отца и дяди, пока он сам получал «разрешение и благословение своей матери на брак»⁶⁴.

Сроки свадьбы определялись не только с учетом постов (до начала Петровского⁶⁵ или Рождественского⁶⁶), но и в зависимости от служебной занятости жениха, которому приходилось брать «отпуск для законной причины»⁶⁷ и просить родных невесты «поспешить свадьбой»⁶⁸. Последнее обстоятельство могло сильно осложнить подготовку к свадьбе невесты и ее матери, не успевавших сшить все необходимое⁶⁹. После свадьбы жена сопровождала мужа к месту службы, попутно они заезжали с визитами к родственникам⁷⁰. Иногда им предстояло уладить кое-какие служебные и личные дела⁷¹, организовать прием и угощение для знакомых⁷². Вследствие того, что из-за служебной занятости жениха первоначальные сроки заключения брака могли быть перенесены на более раннее время, иногда не успевали закончить формальные приготовления к свадьбе, в частности, те, которые касались гардероба невесты.

К моменту выхода замуж невесте заказывали одно «венчалное» платье, «три прекрасных визитных платья» для совершения новобрачными после свадебных визитов к родным и знакомым⁷³ с обеих сторон (обычно на третий день) и различные головные уборы: «шляпку с вуалем и цветами ток с мирубу чепчики очень хорошенькия»⁷⁴. Ток считался модным в XIX в. дамским головным убором и представлял собой «небольшую шляпу без полей, с тульей в складочку»⁷⁵. Принадлежностью свадебного наряда невесты были цветы «на голову и на платье» – розы и флердоранж⁷⁶. При этом, по представлениям дворянской женщины, цветы могли выступать в качестве украшения обычного платья в случае, если с приобретением подвенечного возникали какие-либо сложности⁷⁷.

⁶³ Болотов А.Т. Указ. соч. С. 25.

⁶⁴ Дашкова Е. Записки 1743–1810 / Подгот. текста, ст. и коммент. Г.Н. Моисеевой; Отв. ред. Ю.В. Стенник. Л., 1985. С. 9.

⁶⁵ Пушкин А.С. Собр. соч... Т. 9. С. 311 (оригинал по-фр.).

⁶⁶ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 23. Л. 2 об.

⁶⁷ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 28.

⁶⁸ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 60 об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 83.

⁷¹ Там же. Л. 61.

⁷² Там же. Л. 83 об.

⁷³ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 266; Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 60.

⁷⁴ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 83 об.

⁷⁵ Буровик К.А. Родословная вещей. 2-е изд. М., 1991. С. 220.

⁷⁶ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 61.

⁷⁷ Там же. Л. 83.

Гардероб невесты, как правило, готовился до свадьбы, включал, помимо платьев для венчания и визитов, еще и верхнюю одежду, которую в виде исключения могли приобрести и после свадьбы⁷⁸. Смена гардероба символизировала вхождение девушки в новый этап жизненного цикла «взрослой женщины». Новый социальный статус в традиционной культуре маркировался иной визуализацией. Пошив женской одежды в уездном городе (например, в Вышнем Волочке Тверской губернии), по свидетельству современниц, оставлял желать лучшего: «так дурно шьют уж четыре платья испортили»⁷⁹. При нехватке времени на заказ девушка могла одолжить у кузины для визитов «бальное платье готовое ... ежели оно и надевоное»⁸⁰. Обращают на себя внимание точные названия разновидностей платьев в соответствии с их функциональным назначением – «венчальное»⁸¹, «визитное»⁸², «бальное»⁸³. Свадебный наряд дворянской невесты воплощал материальные проявления бытовой культуры и вместе с тем отражал некоторые черты психологии, рационализм практических аспектов повседневной жизни. «Бальное» и «венчальное» платья были визуально похожи, по крайней мере, девушка, недавно вышедшая из института и еще не думавшая о браке, по неопытности могла принять одно за другое⁸⁴.

Помимо одежды, невеста должна была иметь к свадьбе «кроватьное»⁸⁵ и «столовое белье»⁸⁶. Скорее всего, постельное белье покупалось не самой невестой, а кем-то из взрослых женщин. Вместе с тем, приобретаемое накануне свадьбы, оно как бы не входило в состав «накапливаемого» приданого. Недостающие вещи иногда брали «напрокат» у замужних сестер⁸⁷. Малосостоятельные дворянки болезненно переживали «изъязыны» в своем «приданом», смущаясь перед знакомыми, для которых в череде свадебных мероприятий необходимо было «стол готовить»⁸⁸.

Незадолго до торжественного события в письмах, обращенных к близким родственникам, дворянская девушка приглашала их «осчастливить день свадьбы (своим. – А.Б.) присутствием»⁸⁹. Выбор места, где должна была состояться свадьба, определялся среди прочего особой психологической привязанностью к тому или иному имени предков или связанностью с развитием взаимоотношений между девушкой и ее

⁷⁸ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 61.

⁷⁹ Там же. Л. 35.

⁸⁰ Там же. Л. 83.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Л. 83 об.

⁸³ Там же. Л. 83; *Сабанеева Е.А.* С. 374.

⁸⁴ *Сенковский О.И.* Вся женская жизнь в нескольких часах // Сенковский О.И. Сочинения Барона Брамбеуса / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Кошелева и А.Е. Новикова. М., 1989. С. 295.

⁸⁵ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 83.

⁸⁶ Там же. Л. 83 об.

⁸⁷ Там же. Л. 83 об.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. Л. 85 об.

будущим мужем⁹⁰.

Во время совершения таинства венчания Русская Православная Церковь освящала брачный союз и всю дальнейшую семейную жизнь дворянской женщины с мужем, в соответствии с родовой принадлежностью и служебным положением которого отныне определялся ее официальный социальный статус. Переход дворянки в новую возрастную и социальную категорию фиксировался сменой формальной номинации: замужнюю женщину в дворянской среде называли «барыня»⁹¹, а обращаться к ней было принято «сударыня»⁹².

Таким образом, анализ процедуры, предшествовавшей замужеству дворянок, позволяет выявить их отношение к этому событию как к поворотному и судьбоносному в своей жизни. Однако в решении собственной «участи», или «перемене судьбы»⁹³, как они выражались, сами они, как правило, принимали пассивное участие. Осознавая всю важность вступления в брак, дворянская девушка в большей степени полагалась на жизненный опыт родителей и родственников, от которых ждала одобрения сделанного выбора, своего рода психологической легитимации, если, конечно, ее предпочтения вообще учитывались. К сожалению, интуиция взрослых не всегда играла позитивную роль в замужестве⁹⁴, и даже редкие исключения свидетельствуют не об удачности родительского выбора, а скорее о способности женщин приспосабливаться к принудительному браку, обретать психологическую нишу при осознании невозможности изменить внешние условия своего существования⁹⁵.

При этом существовали определенные различия между относившимся к сфере социальных взаимоотношений дворянства принципиальным согласием родителей на брак дочери с их или ее избранником и имевшим высокий духовный смысл родительским благословением, служившим своеобразным залогом будущего семейного благополучия. Вероятно, поэтому мать, как более остро по сравнению с отцом переживавшая матримониальные перипетии дочери, даже приняв предложение о ее замужестве, должна была найти в себе душевные силы для того, чтобы благословить ее на это⁹⁶.

Дворянская девушка же, действуя при совершении одного из

---

⁹⁰ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Д. 23. Л. 2–2 об.

⁹¹ Там же. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 54, 78; Д. 138. Л. 7; *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства // *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести / Отв. ред. П.Я. Кочина. М., 1974. С. 35.

⁹² ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 138. Л. 7 об.

⁹³ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 85 об.

⁹⁴ *Капнист-Скалон С.В.* Воспоминания // *Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века* / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С. 286.

⁹⁵ *Керн А.П.* Из воспоминаний о моем детстве... С. 371; *Щепкина А.В.* Воспоминания // *Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856)* / Сост., вступ. ст., биограф. очерки и прим. И.И. Подольской. М., 1990. С. 394.

⁹⁶ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 92.

важнейших «шагов» в своей жизни по родительскому благословию, проявляла тем самым христианское послушание, отказ от самоволия и упование на Промысел Божий. Однако даже сознательное «принесение себя в жертву» не могло компенсировать отсутствия чувства счастья, не говоря уже о вынужденном принятии на себя этой роли. Редко встречающиеся свидетельства мемуаристок о благополучно сложившейся жизни той или иной российской дворянки⁹⁷ выводят своеобразную «формулу счастья»: собственное эмоциональное предпочтение в девичестве – позитивная любовная история – удачный брак. При этом смысл жизни, вопреки высокопарным ожиданиям или, напротив, приписываемой женщинам пассивности, отождествлялся ими со способностью самой испытывать нерепрессируемое чувство любви, «счастливый роман с избранным ею женихом»⁹⁸. Брак, заключенный по любви вопреки желанию матери девушки, оказывался счастливым даже при его экономической несостоятельности⁹⁹.

В целом нормативная процедура, предшествовавшая замужеству дворянки, наряду с социально-этическим аспектом, представленным обоюдной договоренностью родов о браке, провозглашением будущих мужа и жены официальными женихом и невестой, формальным введением жениха в круг родных невесты, имела еще и существенный религиозный аспект. Вся совокупность досвадебных мероприятий включалась в общий контекст повседневной духовной жизни провинциального дворянства и в круг годовых традиционных празднеств. Вместе с тем отношение к браку как к событию особо торжественному, «важному событию в жизни»¹⁰⁰ наиболее отчетливо проявлялось в том, что предшествовавшие его заключению благословение, стговор и обручение жениха и невесты могли быть приурочены к великим праздникам церковного года. При этом православный образ жизни, который вела дворянская девушка, в том числе и в момент своего выхода замуж, должен был придавать ее социальному существованию определенный ценностный смысл.

В практическую организацию замужества оказывались вовлеченными фактически все ближайшие родственники девушки, особенно женская их часть. Наиболее деятельное участие принимали незамужние тетушки невесты, что для них носило, разумеется, компенсаторный характер. События, предшествовавшие вступлению в брак, показывают, что одной из форм родственного общения в среде российского провинциального дворянства было совместное проведение церковных православных праздников. Реализовывавшийся при этом в масштабах дворянской семьи принцип соборности свидетельствует о том,

---

⁹⁷ Щепкина А.В. Указ. соч. С. 394; Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве... С. 345.

⁹⁸ Щепкина А.В. Указ. соч. С. 394–395.

⁹⁹ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве... С. 345.

¹⁰⁰ Керн А.П. Воспоминания о Пушкине, Дельвиге, Глинке // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине... С. 71.

что замужество дворянки имело особое значение для поддержания реальной родовой общности.

Замужество было сопряжено с существенными переменами в сфере поведения и мировосприятия дворянки, с принятием ею на себя новых дел и обязательств, а также с необходимостью проявления постоянной заботы о сохранении семейного согласия как одной из норм христианского «общезития» и вместе с тем как формы выражения материнской гендерной роли. Однако благие устремления молодых девушек зачастую наталкивались на столь же решительное отторжение со стороны новоиспеченных мужей, особенно если в намерения последних не входило что-либо менять в привычном им состоянии эмоционального и бытового эгоцентризма.

Альтернативной формой заключения брака считался так называемый «тайный брак», реализовывавшийся как этнографический брак «увозом», когда родители по тем или иным причинам не давали согласия на замужество дочери, а она, напротив, стремилась к этому из-за сильной романтической привязанности. Среди таких браков, заключавшихся исключительно по любви и по желанию девушки, встречались как счастливые, так и несчастливые истории. Возлюбленные «увозили» своих избранниц и из родительского дома¹⁰¹, и из института¹⁰². В институтских сообществах устные истории об этом «передавались из рода в род», становясь частью локального девического фольклора.

В крестьянской среде также была известна форма брака без согласия родных, называвшаяся венчанием «самоходкой»¹⁰³. В этом случае заключение брака ставилось в зависимость от принятия именно девушкой решения о самовольном побеге.

При добровольности и обоюдном стремлении не всякая дворянская девушка могла набраться внутренней решимости обойтись без родительского благословения и пренебречь общественным осуждением в таком «ззорном деле...»¹⁰⁴, которым считался тайный брак, поэтому склонить ее к нему жениху было затруднительно. Иногда усилия оказывались безрезультатными, девушки испытывали большие сомнения, не позволявшие с легкостью «согласиться на тайный брак»¹⁰⁵. Финансовые затруднения возникали и у потенциального жениха: организация отъезда и тайного венчания

---

¹⁰¹ Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М., 1988. С. 25–26.

¹⁰² Энгельгардт А.Н. С. 160.

¹⁰³ Дерунов С. Девичья беседа в Пошехонском уезде // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 3: Юность и любовь: Девичество / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Л. Астафьевой и В. Бахтиной. М., 1994. С. 493; Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Гарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 22.

¹⁰⁴ Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 56.

¹⁰⁵ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 4 об.

стоила немалых денег, раздобыть которые получалось не у каждого¹⁰⁶.

В то же время запретный «тайный брак» по любви, в противоположность легальному по выбору родителей, заключал в себе притягательные для молодежи элементы авантюризма и романтики, дефицит которых в повседневной жизни побуждал к их мысленному конструированию. Атмосфера непубличности, интимности, сокрытия происходящего, в отличие от официального, парадного, демонстративного сговора, способствовала тому, что даже ребенок, ставший невольным свидетелем, «угадывал» по внешнему облику героини счастливой любовной истории, увенчавшейся супружеством без родительского благословения, «какую-то романическую тайну»¹⁰⁷. «Дорожное» платье «в роде амазонки», «шляпа более круглая, мужская, нежели женская», ниспадающие «белокурые кудри» тайно обвенчанной невесты, ее прощальный благодарственный визит к тайному доброжелателю из числа родственников в неурочное ночное время вызывали у наблюдателя ассоциации с нарушением коллективных свадебных ритуалов и проявлением своеволия, идущего вразрез с интересами родового сообщества. По факту же за этим стояла другая индивидуальная воля – «матери, женщины суровой и властолюбивой», которая «противилась этому браку, со всеми последствиями отказа в материнском согласии»¹⁰⁸.

Как правило, даже упорно противившиеся самостоятельному выбору детей родители вынуждены были, в конце концов, принимать его и признавать существующий супружеский союз¹⁰⁹. Одной из причин несогласия матери жениха на его брак при родовитости обоих семейств могло быть необычное и негативно воспринимаемое старшинство невесты. Одним из способов легитимации тайного брака становилось признание представителями старшего поколения своих внуков и благословение их¹¹⁰.

Более решительно, чем совсем молоденькие, на тайный брак соглашались девушки, достигшие максимального брачного возраста, для которых единственным способом обрести самостоятельность было «бежать из дома, так как иго было невыносимо»¹¹¹. Не только церковное венчание могло стать содержанием тайного брака, но и такая часть свадебного обряда, как встреча новобрачных после венца, если их намерения были скрыты лишь от отца. В то время как мать невесты, передав «икону и хлеб» для благословения дочери доверенному лицу, просила заменить ее в этом обряде, в котором она должна

---

¹⁰⁶ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 4 об.

¹⁰⁷ *Вяземский П.А.* Московское семейство старого быта // *Вяземский П.А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Сост. Н.Г. Охотина; Вступ. ст. и прим. А.Л. Зорина и Н.Г. Охотина. М., 1988. С. 318.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ *Дурова Н.А.* Указ. соч. С. 28.

¹¹¹ См.: *Кунин В.В.* Ольга Сергеевна Павлицева // *Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т.* / Сост., биогр. очерки и примеч. В.В. Кунина. М., 1986. Т. I. С. 45.

была осуществлять ритуальную встречу новобрачных»¹¹².

Осуществление хотя бы «осколка» нормативных обрядовых действий должно было легитимировать тайный брак в глазах родителей и родственников, хотя с формальной, канонической точки зрения для этого было достаточно только церковного таинства венчания. Это свидетельствует о том, что брак по-прежнему оставался социальной интеракцией в большей степени, нежели фактом духовной жизни, несмотря на то, что душеспасительная мотивация приводилась как главный аргумент в пользу необходимости его заключения.

Таким образом, в дворянском сообществе длительно сохранялась последовательность традиционной свадебной обрядности. Конструкция дворянского свадебного обряда XVIII – середины XIX в. включала в себя следующие элементы: сватовство, иногда с участием профессиональных брачных посредниц (свах), либо знакомство дворянской девушки с будущим мужем, его ухаживания и официальное предложение о вступлении в брак; помолвка; принятие родителями девушки (или лицами, замещавшими их) и девушкой (иногда вынужденно) решения о выходе замуж; согласие на брак родителей жениха посредством особых «застрахованных писем», которые должны были гарантировать матримониальные намерения сторон, поскольку разрыв помолвки негативно влиял на социальную репутацию девушки; благословение брака родителями и родственниками невесты, в ряде родов – традиция благословения невесты дядей по материнской линии; провозглашение официальными женихом и невестой (публичное объявление о выходе дворянской девушки замуж); формальное введение жениха в круг родных невесты посредством особых рекомендательных писем; стговор («стговорные церемонии или веселия»): «подчивание», бал, «этикетный и торжественный ужин и питье за оным»; обручение; свадьба («свадебная церемония»): «проводы» невесты родными, ее «прощание» с ними, «выезд из отцовского дому» «в дом свекровь»; церковное венчание; встреча новобрачных после венца; послесвадебные визиты к родным и знакомым. Эта конструкция относилась к браку по стговору как нормативной форме заключения брака, в отличие от альтернативного тайного брака (брака «увозом»), осуществление которого тем не менее иногда допускало сохранение отдельных элементов обряда.

На протяжении XVIII – середины XIX в. помолвка как часть свадебной обрядности редуцировалась из отдельного самостоятельного акта в контексте «стговорных церемоний», смысл которого сводился к предварительной договоренности о стговоре, в обобщающее название процедуры достижения брачных договоренностей и всей совокупности досвадебных мероприятий. Помолвка, не увенчавшаяся заключением брака, истолковывалась вне зависимости от обстоятельств в терминах негативизации дворянской девушки, ее публичной репутации. Завуалированным объектом мат-

---

¹¹² Керн А.П. Воспоминания о Пушкине, Дельвиге, Глинке... С. 70–71; *Ее же*. Дельвиг и Пушкин // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине... С. 107–108.

римониальной сделки становилась «честь» девушки в гендерном значении. «Безславие», «безчестие», «обезславление девушки» в результате того, что она считалась невестой, но так и не вышла замуж, наносило удар по символическому престижу дворянского рода и воспринималось как «безславие всему семейству», следовательно, как оскорбление представителей мужской его части, вынуждавшее последних «отдавать жизнь за честь сестры и матери» и «кончать дело благородным образом». Межродовые мужские конфликты, предметом которых являлась «честь» девушки, урегулировались архаическим способом – исключительно в соответствии с дворянским этосом, даже если этическое их разрешение противоречило действовавшим законам. Дворянин, следовавший букве закона в «деле о чести и бесчестии» («подтверждается запрещение вызванному словами писмом или пересылкою выходить надраку или поединок»¹¹³), утрачивал в глазах равных ему по социальному статусу представителей дворянской общности этические характеристики, которые, собственно, и позволяли причислять его к «благородным»: «Если же Вы не выдете, то я принужден буду отказать Вам в малейшем уважении, буду всегда считать Вас и всегда называть подлецом, бес искры чести, бес тени благородства, – и уверяю Вас, что при первой встрече буду публично приветствовать Вас этим именем»¹¹⁴. Активное участие мужчин во всех ступенях свадебного обряда и в конфликтах, связанных с его нарушением, относит заключение матримониальных союзов к сфере мужских социальных взаимодействий и мужского престижа. Собственно девушке отводилась роль «канала» достижения мужских притязаний – статусных, имущественных, сексуальных и других. Свадебные ритуалы у российских дворян как традиционного сообщества в XVIII – середине XIX в. относятся к сфере мужских престижных взаимодействий и практикам экспрессивного порядка, в которых женская роль сводится к инструментальному посредничеству в скреплении межродовых связей.

Список литературы:

1. *Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с., ил.
2. *Буровик К.А.* Родословная вещей. 2-е изд., перераб. М.: Знание, 1991. 232 с.
3. *Дерунов С.* Девичья беседа в Пошехонском уезде // *Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 3: Юность и любовь: Девичество / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Л.Астафьевой и В. Бахтиной; Подбор ил. В. Жигулевой; Фотограф А. Рязанцев. М.: Худож. лит., 1994. 525 с., ил. (Мудрость народная). С. 492–506.*
4. *Лотман Ю.М.* Сватовство. Брак. Развод // *Лотман Ю.М.* Беседы о русской

¹¹³ ГАТО. Ф. 466. Оп. 4. Д. 35. Л. 2.

¹¹⁴ Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 2 (подчеркнуто автором).

- культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 1994. 399 с., 5 л. ил. С. 103–122.
5. *Мостова Л.А.* Парадигмы антропологической теории на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. или парадоксы научной динамики // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов: Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М.: РГГУ, 2001. 320 с. С. 21–27.
  6. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
  7. *Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Сб. пер. / Сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Мн.: ПроPILEI, 2000. 384 с. С. 99–113.
  8. *Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М.: Юрид. лит., 1991. 112 с.
  9. *Юнг К.Г.* Подход к бессознательному / Пер. В.В. Зеленского // Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Renaissance, 1991. 304 с. С. 23–94.
  10. *Lévi-Strauss C.* The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969. 541 p.

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственной университет (170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 215), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

WEDDING RITES AT THE RUSSIAN NOBLES IN THE 18TH – THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURIES: RITUALS AND PRACTICES

A.V. Belova

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the wedding rites at the Russian nobles as a traditional community in the 18th – the middle of the 19th centuries. Based on the study of unpublished archival documents from the personal funds of noble families and published auto-documentary evidence, the author reconstructs the main elements of the wedding ceremony, including the lengthy procedure that preceded the direct marriage during the church sacrament of the wedding. The article analyzes the cultural and anthropological nature and functional purpose of the social ritual, reveals the conjugation of collective practices and individual preferences. Particular attention is paid to the problems of the noble ethos and the reproduction of ethical norms recorded in ego-documents, as well as the gender aspects of ritual actions. In conclusion the author claims that wedding rituals belong to the sphere of men's prestigious interactions and

practices of an expressive order, in which the women's role is reduced to instrumental mediation in strengthening of the inter-clan ties.

Keywords: *historical ethnology, wedding rites, traditional household components of noble culture, wedding, church wedding, matrimony, marriage of a noblewoman, Russian nobles.*

About the author:

BELOVA Anna Valeryevna – the Doctor of Historical Science, the Head of the Department of World History, the Tver' State University (170100, Tver', Trehsvyatskaya str., 16/31, of. 215), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References:

- Balashov D.M., Marchenko Yu.I., Kalmykova N.I., *Russkaya svad'ba: Svadebnyy obryad na Verhnej i Srednej Kokshen'ge i na Uftyuge (Tarnogskij rajon Vologodskoj oblasti)*, Moscow, Sovremennik, 1985. 390 s., il.
- Burovik K.A., *Rodoslovnaya veshchej*, 2-e izd., pererab., Moscow, Znanie, 1991. 232 s.
- Derunov S., *Devich'ya beseda v Poshekhonskom uezde, Mudrost' narodnaya. Zhizn' cheloveka v russkom fol'klore. Vyp. 3: Yunost' i lyubov': Devichestvo / Sost., podgot. tekstov, vstup. st. i komment. L. Astafevoj i V. Bahtinoj; Podbor il. V. hHigulevoj; Fotograf A. Ryazancev*. Moscow, Hudozh. lit., 1994. 525 s., il. (Mudrost' narodnaya). S. 492–506.
- Lotman Yu.M., *Svatovstvo. Brak. Razvod*, Lotman Yu.M. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*, Sankt-Peterburg, Iskusstvo – SPB, 1994. 399 s., 5 l. il. S. 103–122.
- Mostova L.A., *Paradigmy antropologicheskoy teorii na rubezhe XIX–XX i XX–XXI vv. ili paradoksy nauchnoj dinamiki, Vybor metoda: izuchenie kul'tury v Rossii 1990-h godov: Sb. nauch. st., Sost. i otv. red. G.I. Zvereva*. Moscow, RGGU, 2001. 320 s. S. 21–27.
- Pushkareva N.L., *Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny: nevesta, zhena, lyubovnica (X – nachalo XIX v.)*, Moscow, Ladomir, 1997. 381 s.
- Rubin G., *Obmen zhenshchinami: zametki po politekonomii pola, Antologiya gendernoj teorii. Sb. per., Sost. i komment. E.I. Gapovoj i A.R. Usmanovoj*. Minsk, Propilei, 2000. 384 s. S. 99–113.
- Caturova M.K., *Russkoe semejnoe pravo XVI–XVIII vv.* Moscow, YUrid. lit., 1991. 112 s.
- Yung K.G., *Podhod k bessoznatel'nomu*, Per. V.V. Zelenskogo, Yung K.G. *Arhetip i simbol, Sost. i vstup. st. A.M. Rutkevicha*, Moscow, Renaissance, 1991. 304 s. S. 23–94.

Статья поступила в редакцию 14.11.2022 г.

Подписана в печать 15.12.2022 г.